

Скромное обаяние вождя

Представленный ниже материал из апрельского «Большевика» 1932 года интересен не только потому, что является первым большим интервью И. В. Сталина зарубежному журналисту, но и потому, что впоследствии был переиздан как минимум дважды (в 1938 году отдельной брошюрой и в 1951-м в собрании сочинений вождя¹) и буквально «раздерган» на цитаты. И это при том, что интервьюировавший Сталина немецкий писатель и журналист Эмиль Людвиг (1881—1948) отнюдь не принадлежал к числу поклонников «хозяина Кремля».

Свидетельств тому немало, но главные из них — два биографических сочинения о Сталине, вышедших спустя годы после публикации интервью. Так, в людвиговских «Трех портретах» (1940) советский лидер фигурирует в сомнительной кампании Гитлера и Муссолини². А два года спустя, в 1942-м, в Нью-Йорке вышла книга, посвященная уже исключительно Сталину, но также чуждая особых симпатий к советскому социализму, несмотря на очевидную значимость роли СССР в достигшей своего зенита Второй мировой³.

За исключением последовательного антифашизма (еще в 1933-м книги Э. Людвиг (настоящая фамилия — Кон) были осуждены Геббельсом и подвергнуты публичному сожжению как пример разрушительного влияния евреев на немецкую литературу), во всем остальном биография писателя вполне укладывается в априори малосимпатичный для Сталина тип «буржуазного журналиста». Родившийся в Бреслау (современный польский Вроцлав) во вполне обеспеченной семье врача-офтальмолога Г. Кона, Э. Людвиг получил вполне стандартное для «буржуа» образование — стал юристом. В университетах Бреслау, Лозанны, Гейдельберга и Берлина, помимо курсов по юриспруденции, он посещал также лекции по литературе и истории искусства, интерес к которым в конечном итоге взял вверх: хотя свою профессиональную жизнь Э. Людвиг вполне благополучно начал с адвокатской практики, но уже вскоре отказался от нее в пользу занятий журналистикой и писательством, и весьма преуспел в этой области, в том числе — и в коммерческом плане.

Едва ли советскому вождю могли импонировать и те симпатии, которые журналист все активнее проявлял к сионистскому движению. В молодости, в 1902-м, поспешно и сознательно порвавший с иудаизмом и принявший крещение, он через 20 лет не только вернулся к религии предков, но и стал одним из знамен

¹ См. **И. В. Сталин**. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 104—123.

² См. **E. Ludwig**. Three Portraits: Hitler, Mussolini, Stalin. N. Y., 1940.

³ См. **E. Ludwig**. Stalin. N. Y., 1942.

сионизма. В частности, в 1937-м, выступая на пленуме Всемирного еврейского конгресса, именно Э. Людвиг выдвинул требование о принятии еврейского народа в Лигу Наций.

Таким образом, отнюдь не личность интервьюера способствовала позитивной оценке Сталиным публикуемого текста. То же самое можно сказать и о тех исторических условиях, в которых произошла встреча Сталина и Э. Людвиг. Действительно, дать интервью немецкому журналисту в 1931-м, когда шли советско-польские переговоры о заключении договора о ненападении на принципах подписанного в 1928-м пакта Бриана—Келлога, было вполне логично: уже сам этот факт должен был свидетельствовать о том, что отношения Советского Союза и Польши не направлены против Германии — главного партнера СССР на Западе в течение всех 1920-х годов. Однако как в 1938-м (год выпуска текста отдельной брошюрой), так и в 1951-м (его включение в собрание сочинений Сталина) этот факт явно утратил свою актуальность.

Остается предположить, что подчеркнутое внимание вождя к тексту интервью объясняется совершенно иными причинами. Довольно малоинтересный сам по себе, он вместе с тем — то ли в силу журналистского и писательского дарования Э. Людвиг, то ли спонтанно — отразил тот образ Сталина, который представлялся оптимальным самому «хозяину». Патологически властолюбивый и не терпевший конкурентов, тот явно не желал подчеркивать этот факт публично. Он предпочитал, чтобы его воспринимали не более, чем «только учеником Ленина», одним из миллионов «бойцов» большевистской партии, сама идеология которой, дескать, не имеет ничего общего с «вождизмом».

По существу уходя от ответов на упорно задававшиеся Э. Людвигом вопросы частного характера (за исключением, кажется, лишь вопроса о знаменитой трубке), Сталин стремился к максимальной деперсонификации своего образа, пытаясь внушить такое впечатление и собеседнику. В этом смысле весьма показательным содержанием той части разговора, которая не вошла в публикацию 1932 года и стала известна лишь десятилетия спустя⁴. Обращаясь к журналисту с просьбой о перечислении «небольшой части» его авторского гонорара за интервью в фонд помощи детям немецких безработных, вождь так упорно настаивал на анонимности своей просьбы, что этот факт просто *не* мог не стать известен *там, где надо*.

Едва ли этот простой прием мог дезориентировать писателя, весьма сведущего в вопросах человеческой психологии. Однако сам Сталин, кажется, остался вполне доволен собой. Насколько это удовлетворение было оправданным — судить читателю. ◆

⁴ См. «Исторический архив». 1998. № 3. С. 216—218.